

ЛЕОНИД ЯХНИН

ПЛЫВУЩИЕ ОСТРОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„МАЛЫШ“
1976

ЛЕОНИД ЯХНИН

ПЛЫВУЩИЕ ОСТРОВА

РИСУНКИ Н. УСТИНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“ 1975

КАРТА

Давно мне хотелось побывать в заповеднике, что на самом севере нашей страны, на Кольском полуострове. И когда мне предложили поехать на Кольский полуостров, в город Мурманск, я с радостью согласился. Решил я на обратном пути заехать в заповедник. Если удастся, поживу там немного и поработаю над заданием журнала.

Купил я карту Кольского полуострова. Разложил её на столе. Она весь стол покрыла, будто скатерть, и даже края свешиваются. Вот какая большая карта. На ней Кольский полуостров, как мохнатая медвежья лапа. А вокруг море. Словно пробует медведь лапой воду в Белом море, а ступить боится — студёная она.

А названья-то какие на этой карте: Умба, Варзуга, Ревда. Так и слышится в них то глухое медвежье топанье, то ворчанье его, а то и рёв. Почему-то я считал, что Кольский полуостров —

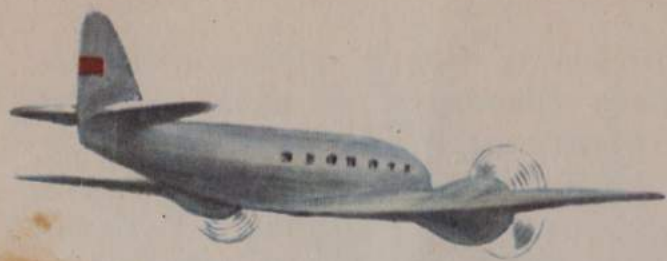
самое медвежье место. Вот и мерещились мне все эти медвежьи сравнения. И в заповеднике я надеялся встретить медведей. Думал, они там на каждом шагу попадают. Но потом узнал, что в этом заповеднике птиц изучают. И самой важной из птиц там считается гага. Она гнёзда выстилает собственным пухом. Нащиплет плоским клювом из груди у себя пух и укладывает его в гнездо. Гагачий пух — самый тёплый и самый лёгкий. Всего несколько мешочков соберут его, а хватит на тёплые комбинезоны всем полярникам и космонавтам.

Однако всё это, повторяю, я узнал потом. А пока смотрел я на карту, где в узком заливе, словно маленькие рыбки, плавали острова заповедника.

ПЕРЕВЁРНУТЫЙ БИНОКЛЬ

Мне повезло: в самолёте я сидел у самого окна. Как уткнулся носом в толстое круглое самолётное окошко, так и не отрывался до самой посадки. Окно в самолёте похоже на круглый окуляр хорошего бинокля. Только будто смотришь в этот бинокль с обратной стороны — всё видишь маленьким-маленьким.

Вот далеко, под самолётом, сквозь дымку облаков видны карельские озёра. Их так много,

словно не озёра на земле, а, наоборот, обрывки земли между озёр. Белые клочья тумана клубятся над ними, как пар над кастрюлей. А вон блестящая змейка воды, словно ручеёк, и в него кто-то просыпал горстку спичек. На самом деле это река, и по ней сплавляют лес. Сбились брёвна стайкой у берега, а на берегу валуны. Через моё окно-бинокль они горкой булыжников кажутся, а так, может, они с дом величиной.

Смотрел я, смотрел, а тут вдруг земля под самолётом покачнулась, повернулась плоской доской и вовсе исчезла. И вижу я только небо и

совсем рядом длинные застывшие облака. Это самолёт вираж сделал, разворот. Лёг на крыло и пошёл на посадку.

«СОЛНЫШКО»

На острова заповедника ходит небольшое судёнышко — «Солнцево». Его тут все ласково называют «Солнышко».

На пристань я поспел как раз к погрузке. По наклонной доске прямо с грузовика катали на палубу металлические бочки. Они весело громыхали, как железо на крыше, сталкивались и делали одна другой вмятины на матовых от бензина боках. Потом грузили скворечники, сколоченные из шершавых сосновых дощечек, осторожно переносили ломкие листы шифера. Через час всё погрузили.

Тут капитан пришёл и говорит одному матросу:

— Судно давайте на рейд, а сами пойдём обедать. — Потом на меня посмотрел: — А вы как, — говорит, — с нами обедать или на борту подождёте?

Обедать, конечно, я бы не прочь, но и корабль облазить хотелось, когда на нём никого не будет. И я идти обедать отказался. Вскоре судно покачивалось в километре от берега. Спустили на воду небольшую ладную шлюпку. Из-под ладони смотрел я вслед удаляющейся команде. Солнце било в глаза. Вода от этого казалась чёрной и тяжёлой, испещрённой острыми лезвиями бликов. Между шлюпкой и судном светлых чёрточек-бликов становилось всё больше и больше. Вот уже растворился в шуме моря плеск вёсел. И они беззвучно опускались в воду.

Я постоял на носу. Потрогал шершавые бунты канатов. Заглянул в машинное отделение, где каждый медный цилиндрик ещё, казалось, дышал, раздувая тёплые бока. Но больше всего мне хотелось забраться в капитанскую рубку. Туда вела двойная дверца с нижней длинной створкой и верхней коротенькой дверкой-форточкой.

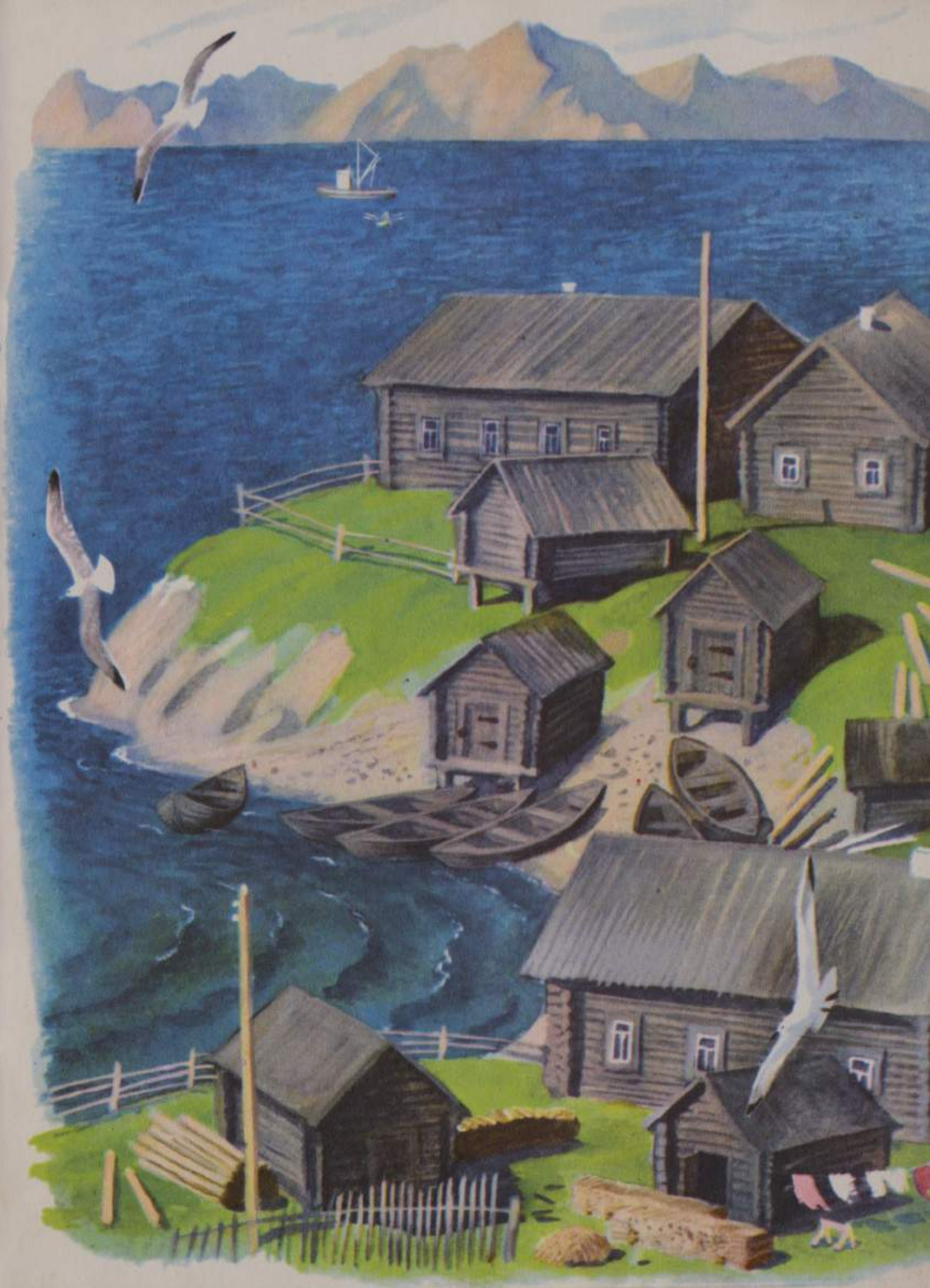
Я ловко, одним прыжком, вскочил в рубку и тут же грудью наткнулся на рулевое колесо из потемневшего дерева и с торчащими в разные стороны ручками-кегельками. Слева тускло поблёскивала медная оправа приборов. Тяжёлые циферблаты. Я тронул какой-то рычажок. Тра-так-так — проскочил он по ребристым делениям циферблата.

Долго я, наверное, пробыл в рубке. Но время пролетело для меня легко и незаметно, как рычажок на хорошо смазанной оси: так-так-так, так-так-так. Я был один на судне, а судно стояло. Оно было на рейде далеко от берега. Приборы меня слушались. И я так увлёкся, что скомандовал сам себе:

— Поднять якорь! Полный вперёд!

Вдруг чёрная якорная цепь заскрипела и заскользила вдоль борта. Я даже не успел удивиться, как внутри корабля что-то загудело, забулькало. Ровный гул поплыл у меня под ногами, и пол мелко задрожал.

— Ой, что делается! — ужаснулся я, и в этот момент раздался голос:

— Уходят в море капитаны,
Усы торчат на зюйд и вест.

— А? — сказал я.

— Турум-бурум-та-та бакланы,
Платочки тум-бубум невест, —

ответил голос, и в рубку поднялся капитан.

— Шлюпку поднимать не будем, — сказал он, — на канате потащим.

— Ага, — смущённо сказал я и выкатился из рубки.

Люк в машинное отделение был полуоткрыт. Оттуда высунулась смеющаяся физиономия моториста.

— Двинули! — гаркнул он мне, перекрывая шум машины.

— Откуда вы подъехали?

— С кормы! — крикнул моторист и исчез внизу, в полумраке.

Я отошёл к борту. «Солнышко» круто развернулось и, набирая скорость, закачалось на волнах. И в этом размеренном покачивании медленно стали приближаться ещё совсем незнакомые мне очертания островов.

— Турум-бум в море капитаны,

Турум-бумбум на зюйд и вест, — запел я.

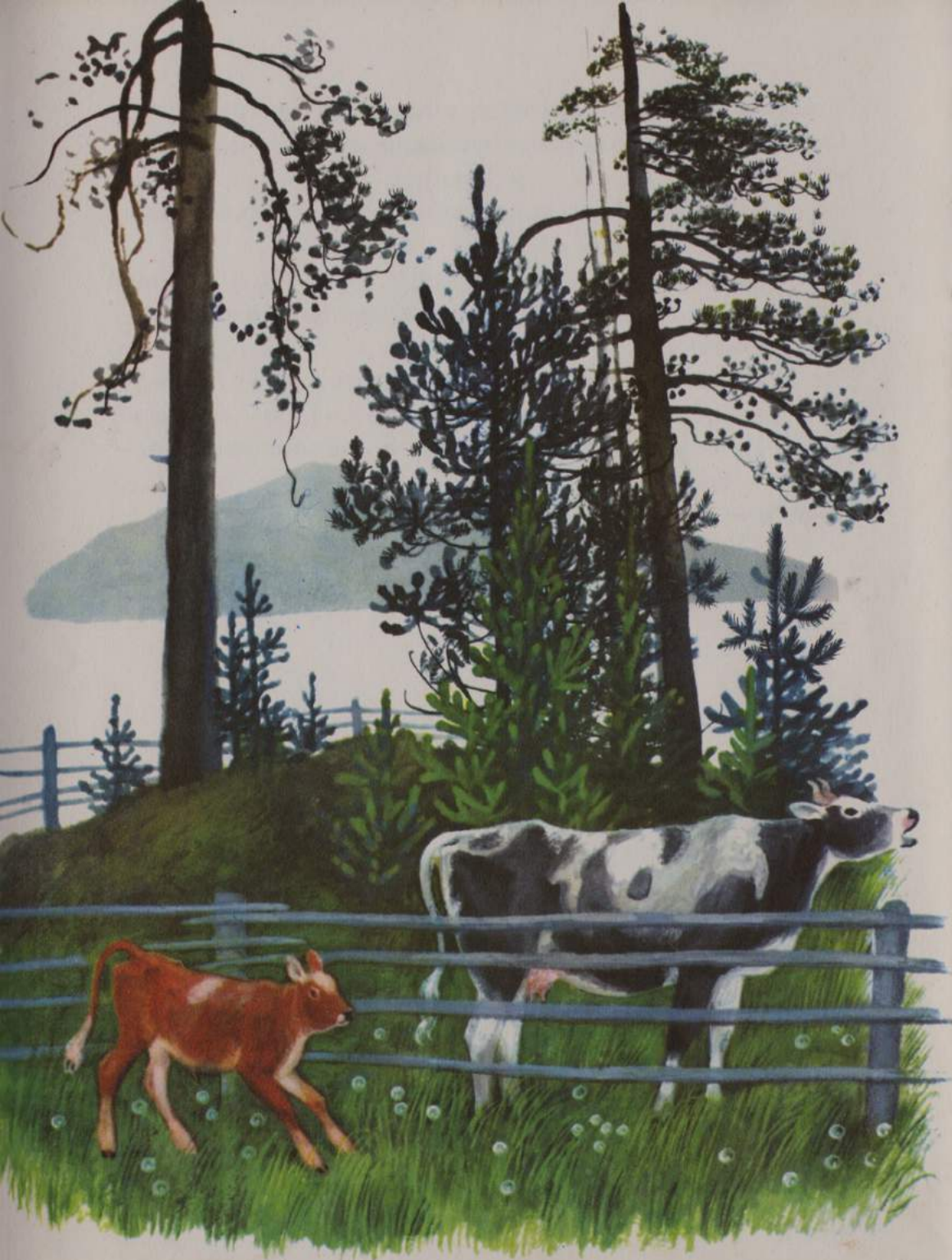
КОРОВА ЛЮСЬКА

Мы обогнули множество мелких островков с каменистыми отмелями. И наконец, стали приближаться к длинному большому острову. Две округлые горы с крутой седловиной между ними делали его похожим на верблюда, забредшего в воду по самое брюхо.

— Лосиный, — сказал капитан, — подойдём к нему, бензин леснику Пшикину оставим. А вы, если захотите, можете и у него пожить.

Остров встретил нас мычанием. Мычала корова. Чёрная в белых пятнах с тяжёлым круглым

животом, будто она только что проглотила бочку. Она стояла в загоне, обнесённом длинными упругими жердями. Вдоль загона бегал рыжий телёнок, разбрасывая копытцами пучки свежескошенной травы.

Загон был пристроен к дому. Дом, как ракушками, оброс множеством крылечек, ступенек, пристроек, сарайчиков.

Моторист и ещё один матрос принялись выгружать из лодки бочку с бензином и скворечники, а капитан сразу направился к дому лесника Пшикина. Я выскочил из лодки и подошёл к маленькой девочке. Она сидела на корточках и втыкала в землю ракушки мидий. Они торчали, как свиные ушки. Будто ходят под

землёй поросята, а ушки наружу высовываются.

— Что это ваша корова мычит? — спросил я.

— Шичас, — ответила девочка, подошла к калитке загона, заложённой жердью, и открыла её.

Корова тут же умолкла и важно двинулась в лес. Телёнок обежал круг по загону, огляделся и опрометью бросился за ней. А девочка развела руками и сказала:

— Ушла Люшьяка.

— А не заблудится она? — спросил я.

— Жаблудится, — ответила девочка.

— Так давай её вернём, — предложил я.

— Не жахнет.

— А как тебя зовут? — спросил я.

— Люшьяка.

— Так это же корова Люшьяка.

— И я Люшьяка.

— Скажи, Люся, а ругать тебя не будут, что корова ушла?

— Будут, — уверенно ответила Люся. — Шичас будут. Дед увидит и жаругается, — она подумала немного и добавила: — Пушкой.

Тут на порог вышел капитан. За его спиной по-

казался лесник Пшикин. У него была какая-то странная лысина — кривая и чуть набок к левому уху съехала. Лесник Пшикин обежал капитана и подскочил к открытому загону.

— Люська! — крикнул он. — Опять корову выпустила?

— Она мычала, — сказал я.

Дед хмуро посмотрел на меня, и лысина его сдвинулась совсем на ухо.

— А это уж наше дело, мычит она или не мычит, — проворчал он.

Капитан незаметно усмехнулся и отправился к лодке. Я пошёл вслед за ним. А у лесника Пшикина с его кривой лысиной и с толстой коровой Люськой не остался. Только девочке Люсе помахал рукой. Хорошая она девочка.

САНИ

Сижу я сейчас и вспоминаю, отчего это мне на Кибрине-острове у Яковлича так понравилось? Коровы не было? Да разве корова мне мешает? Пускай мычит. И молоко я люблю.

Может, лысина Яковлича мне приглянулась? Ровная, пушистая. Но кто же по лысине о человеке судит? Ещё неизвестно, какая у меня будет лысина.

И остров ничем особенным от других не отличается. Длинный с каменистым берегом. В море уходит частая гряда валунов. Их круглые макуш-

ки чуть видны из воды, словно поплавки стоят на волнах. И бегут эти каменные поплавки к соседнему острову — Малому Кибрину. А навстречу им на Кибрин бегут пенистые гребешки волн. Они добегают до самого берега и соединяются у наших ног в длинную белую полосу.

Так я и не вспомнил, отчего остался у Яковлича, старого лесника на Кибрине-острове.

Яковлич поздоровался, будто мы с ним только вчера виделись. Подождал, пока «Солнышко» скрылось за ближним островом, и пошёл перетаскивать свою лодку подальше от берега.

— Отведу её вон за те камни, — сказал он, — а то на отливе обсохнет — не столкнёшь.

Обсохнет — это значит уйдёт вода, а лодка крепко сядет в мягкий ил. Моторка Яковлича вполне могла обсохнуть. Она стояла у самого берега и от каждой набежавшей волны тыкалась носом в измочаленный столбик причала.

По берегу от причала затейливым зигзагом были уложены старые доски. Получалась деревянная тропинка, ведущая прямо к дому. Над раскрытой дверью я увидел что-то вроде вывески. «О. КИБРИН. ЛЕСНИЧИЙ КОРДОН» — прочитал я.

Вот оно что! Не домик это вовсе, а кордон. Сразу за кордоном начинался лес. Кривой, изломанный, тёмный, сырой. Завешанный лохматыми бородами мха и сухих сосновых веток.

Я в лес не зашёл, а остановился у вешек с наброшенной на них рыбацкой сетью. Она была

собрана в складки, и каждая складка оканчивалась колечком, будто это оконная занавеска. Я помял сеть ладонью. Она оказалась на ощупь шелковистой и податливой, как водоросли, что усеяли берег вдоль кромки прибоя.

Думал я, что всё осмотрел, но тут мне попались на глаза сани. Они стояли, приткнутые к стене кордона. Длинные, в рост человека.

К полозьям были приколочены широкие охотничьи лыжины. Крепкие лыжины, в палец толщиной, вытертые, наезженные.

«Вот, — подумал я, — коровы у Яковлича нет. А лошадь, выходит, непременно есть. Только зачем лошадь на острове? Его пешком обойти вдоль и поперёк недолго. А по морю на лошадях не ездят».

Ещё раз глянул на сани. Странные сани. Человеку их тащить трудно, а для лошади, пожалуй, малы. Пока я сани рассматривал, Яковлич лодку перегнал и ко мне идёт.

— Что ж, — говорит, — обедать можно. На сани глядишь? Санки эти я прошлой весной сладил. Лыжи свои старые приспособил. Мечтал на них по рассолу на Кандалакшу гонять. Когда морозец прихватит да снежок крепкий, то и на лыжах можно. А весной, чуть развезёт, снег становится жидкий, рыжий и от морской воды солёный, ну рассол да и только. Тут на лыжах не пройдёшь. А санки в самый раз.

— Ага, — говорю, — сиди себе, лошадку попукай...

— Никакой такой лошадки у меня нет, — сказал Яковлич, — тридцать лет почти лесничествую, а

лошадей или там коров на острове сроду не держал.

Он замолчал и стал перебирать руками сеть. Подвигает, подвигает пальцами складочки, отыщет прореху и тут же её провяжет обрывками нитей. Ловко, быстро латает сеть и молчит. Обиделся, что ли? И про корову зачем-то вспомнил. Неловко мне как-то стало.

А Яковлич сеть собрал, на плечи вскинул и понёс в сарайчик, что рядом стоял. Маленький сарайчик. Дверца скрипучая. Яковлич сеть скинул. Стоит. Я тут же толкусь. Не знаю, что и сказать. А он вдруг и сам заговорил:

— Весной, в мае, вода тёмная, тяжёлая — не согрелась. Глядишь на море — и будто не вода это, а каменная глыба лежит. Я в тот день долго у воды был. Вижу — от Медвежьего кто-то плывёт. Лодка — не лодка, человек — не человек. Может, думаю, браконьер тонет? Ну, голубчик, сейчас я тебя спасу да ещё и оштрафую!

Мотор у меня хороший — с первого разу заводится. Другие лесники уж не один мотор сменили, а мой хороший. Слежу за ним. Ну, еду я к своему браконьеру. Спешу. Ближе. Ближе. Смотрю, а их двое! Да только не браконьеры это, а звери. Лосиха с лосёнком. Лосёнок барахтается, на мать норовит залезть. А той не под силу его держать. То и дело под воду уходит. Тонут звери.

— Яковлич, — сказал я, — а зачем же лосиха в воду полезла да ещё с лосёнком?

— Они с острова на остров часто переплывают. То ли еды не хватает, то ли медведь спугнул. Бывает, и тонут.

Не подоспей я, и этот лосёнок бы утонул. Его-то я втащил в лодку. Мокрый, дрожит. А лосиха тяжела. Не вытянуть её из воды. И плыть ей далеко за мной до Кибрина. Лодка

моя быстро идёт. Мотор хороший — с первого разу заводится. Отстала лосиха. Может, назад повернула, а может, и утонула. А чем я ей помогу? Вот лосёнок спас.

Яковлич присел на камень. Стащил с ноги сапог, встряхнул его.

— Сапоги у меня оба правые. Две пары было, а остались вот эти, правые. Один левый протёк, а другой — в воду упустил. Так вот и хожу. На правой ноге правый сапог и на левой — тоже правый. Устаёт левая нога с непривычки. А хожу я много. Утром ноги в сапоги вдел, а к ночи только снимешь. Дел хватает. И обход, и остров по берегу прибрать, и гнезда посмотреть. А зимой залив замёрзнет, так и на соседние островки заглянешь. Летом в сапогах, а зимой всё на лыжах, всё на лыжах. И в Кандалакшу иной раз на лыжах идёшь. А недалеко. Полдня идти надо.

Теперь-то я стар — семьдесят третий пошёл мне, а как моложе был, то и за три часа до бегал. И знаешь, что я надумал, как лосёнка привез? Сооружу, думаю, санки. К зиме лосёнок в крепкого бычка вырастет. Пускай возит старика.

— Ну и что, возил?

— Санки, видишь, я сделал. А про лосёнка погоди, дослушай. Завёл я его в дом. Обсушил. Он ничего, не шарахается от меня. Верно, здорово напуган водой. Покормить я его решил. Картошки сварить или каши. Только отошёл — слышу, чавкает, отфыркивается. Что, думаю, он там нашёл? А я рассол как раз приготовил в бочонке. Трески засолить хотел. Он этот рассол и пьёт. Я уж отлил ему рассола, хлеба туда накрошил...

Эх, сапоги мои, сапоги. Оба правые. В субботу поеду на материк — новые куплю. Не забыть бы. Да-а. Дожили мы с Кузей до вечера. Это я лосёнку такое имя придумал — Кузя. Кузьма, значит. Ну, легли мы спать с Кузей. Только какая же у нас в мае ночь? Светло, как днём. Одно слово — полярный день. Я на окнах тёмные шторы приладил.

Только задремал, слышу — тычется кто-то в окно. Отвернул я чуть шторку. И глазам не поверил. Кто б ты думал? Лосиха! Не утонула, значит. Приплыла за сынком. Нет, дудки, милая! Теперь мы с Кузей без тебя обойдёмся. Лежу я, заснуть уж не могу. Слушаю. Ходит лосиха вокруг. Молчит. Так всю ночь и проходила.

Два дня мы так-то прожили. Кузя в кордоне, а лосиха по ночам снаружи бродит. На третий день утром вывел я Кузю из дома. Он ко мне жмётся. Не убегает. Потом принюхиваться стал. Голову свою лобастую к земле нагнул и вдруг как закричит, застонет: «Ох-ох-ых!»

В эту ночь я уж дверь не закрыл. Ну, думаю, Кузьма, хочешь — уходи, хочешь — оставайся. А наутро проснулся — нет Кузи. Увела его лосиха. Что ж, с матерью ему и вправду лучше.

А санки пускай стоят. Я и на лыжах ещё не стар. Сердце у меня, что мотор... Семьдесят два годка без ремонту. Ну, пойдём в дом. Обедать пора.

ПЛЫВУЩИЕ ОСТРОВА

У Яковлича на столе всегда лежал большой чёрный бинокль. В чуть выпуклых чистых стёклах стояли крошечные радуги. Я часто брал его, прикладывал к глазам и тогда казалось, что пря-

мо в стёкла бинокля, будто в иллюминатор корабля, бьётся тяжёлая морская волна.

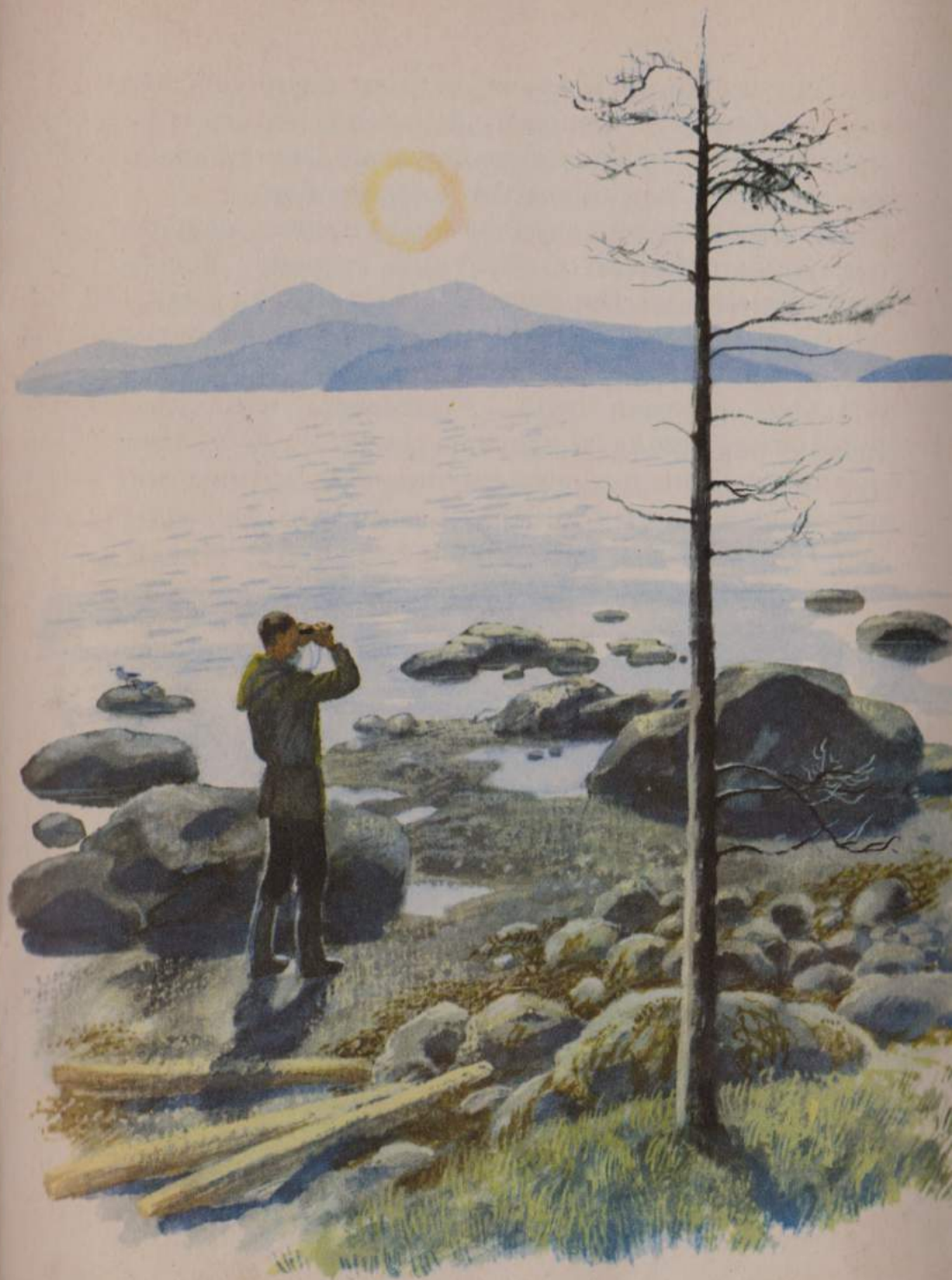
В это утро я проснулся рано. Но Яковлича уже не было. Он, верно, обходил свой остров. Я вдел босые ноги в сапоги, захватил бинокль и вышел наружу. Солнце поднималось из-за дальних островов. Их резкие силуэты, как бы вырезанные из плотного картона, медленно покачивались в озарённой белыми солнечными лучами воде. Я отвёл ослеплённые глаза и глянул вдоль берега.

Отлив обнажил огромные валуны. На валунах стояли чайки. Поблёскивали серебристые фюзеляжи их удлинённых гладко очерченных тел. Вдалеке я заметил маленькую копошащуюся фигурку Яковлича. «Что же это он делает?» — подумал я и глянул в бинокль.

Смотреть в бинокль надо уметь. Тут как бы прицеливаешься: то недолёт, то перелёт, то чуть левее возьмёшь, то чуть правее.

Я глянул в бинокль, и в ровный с чёткой каёмочкой круг окуляра тут же влипли широкие клинки тростников. Поднял бинокль чуть выше, но снова не рассчитал. Прямо на меня ринулась громадная чайка. Её хищный продолговатый клюв целил мне в самый нос. Я невольно отпрянул. Взгляд мой сквозь стекло бинокля скользнул в море. Строгой чередой проплыли острова. Медвежий. Вороний. Демениха. Лодейный. Целая флотилия островов.

Обострённый биноклем взгляд выхватывал то

скалистую корму острова, высоко поднятую над обмельчёнными отливом берегами, то острые мачты сосен, то бледно-зелёную полосу тростника, плотную, как обшитый досками борт.

Я резко повернул бинокль вправо. Острова послушно поплыли в обратную сторону. Лодейный. Демениха. Вороний. Медвежий. Вот, наконец-то, Яковлич! Он нагнулся, улыбается, шарит руками в тростниках. Вдруг оттуда выскочила большая пёстрая гага. Рванулась, взмахнула крыльями, пошла почти над самой землёй. Шею вытянула. Крылья вниз опущены, будто под животом ими хлопает. Того и гляди по илистому берегу кончиком крыла чиркнёт. Я бинокль за ней веду. У самого берега за волну задела, села

на воду. Плывёт, а сама всё в сторону Яковлича смотрит. Повернёт маленькую головку, а в бинокле её чёрный глаз так и поблёскивает.

А Яковлич будто и внимания не обращает. Медленно так идёт вдоль зарослей тростника и всё шарит, шарит руками. И тут, вижу, выскочили из тростников утята-гагачата. Один, другой, третий... Уже большие, оперившиеся. А летать ещё не умеют. Бегут, переваливаются неуклюже. Крылья растопырили, машут ими. Помогают себе на бегу. Гага-мать снялась с воды и к ним навстречу полетела. Вот уж они шагают к морю друг за дружкой, а гага важно впереди ковыляет. Только Яковлич всё не успокаивается. Шорк-шорк рукой по тростникам, будто ещё что-то ищет.

И впрямь нашёл! Разогнулся, а в ладонях у него ещё один гагачонок. Прошагал Яковлич, приминая тростники, к гагачьему выводку и подбросил вперёд своего гагачонка. Тот от толчка пролетел немного, судорожно хлопнул крыльями и опустился как раз у хвоста последнего утёнка. Идёт четвертым, пристраивается в ногу. А гага вдруг обернулась. Боком-боком, и к нему. Наскакивает на него, клювом своим плоским щёлкает, крылом отталкивает.

Тут у меня руки устали держать бинокль. Отпустил я его. Он дёрнулся на ремешке и повис на груди. Пропал из глаз гагачий выводок. Яковлич в маленькую точку превратился, будто в мгновение ускакал на другой конец острова. И звуки, шумы разные вдруг в уши хлынули. Скорбные крики крачек, похохатывание серебристых чаек, причмокивание волны у камней и всё объединяющий ровный шелест леса. Подвигал я затёкшими руками и снова к биноклю прилип: а что там дальше происходит?

Вон гага впереди. За ней утята. Один, другой, третий... Где же четвертый? Он отстал. Отогнала его гага. Шлёпает он своими растопыренными лапками по влажному илу. Приблизиться боится. Чужой он, верно. Приблудный. Вот гага и не подпускает его к своим утятам.

А Яковлич тем временем подкрался к нему — цап! и снова подкинул под самый бок к гаге. Гага — ох и упрямая! — снова его отогнала. Не хочет брать подкидыша в свою семью. Яковлич

рассердился не на шутку. Ногами топочет. Чужого гагачонка вперёд подталкивает. Сам в это время гаге что-то втолковывает. А она и слушать не хочет. Крутятся они вокруг гагачонка. Про остальных утят и забыли. Шарахнулись они в сторону. И к воде. Бултых! Бултых! Бултых! Тут только гага заметила, что детей растеряла. Отмахнулась она от назойливого Яковлича крылом, повернулась и тоже в воду — бултых!

И вдруг этот самый жалкий, бездомный гагачонок, словно с отчаяния, замахал, задёргал крылышками, клюв прямо поставил, шею вытянул и полетел! И плюхнулся как раз между остальными гагачатами. Гага обернулась, засуетилась, а понять, где свои, где чужой, не может. По берегу детки послушно цепочкой шли. Пересчитать их легко. А тут кучкой сбились — того и гляди своего прогонишь. Поплавала, покрутилась гага вокруг выводка и смирилась. Теперь уж у неё четверо детей. Но попробуйте подсунуть ей пятого, чужого! Ни за что не пустит.

Яковлич постоял ещё немного у берега и домой зашагал. А я бинокль в море повернул. туманная пелена рассвета растаяла. Солнце поднялось выше. Упругие лучи его упирались в зарозовевшую воду. А по ней, тяжело покачиваясь, плыли длинные острова. Медвежий. Вороний. Демениха. Лодейный. Начинался прилив.

МЕДВЕДЬ-ШАТУН

Прослышал я как-то, что на островах медведь завёлся. То ли с материка переплыл, то ли с зимы ещё остался. Вечером я о нём разговор за-теял.

— Вот, — говорю, — Яковлич, медведь тут завёлся. Шатается где-то. Посмотреть бы.

— Да куда там медведь. Он сейчас тут с голоду помрёт. Не полезет он на острова.

А мне уж очень хочется, чтобы медведь был. Я и говорю:

— А вдруг шатун! Раз шатается где-то, то и шатун может быть.

Яковлич посмеялся да объясняет мне, что медведи-шатуны только зимой бывают. Их кто-нибудь с берлоги стронет. Уж они во второй раз не залягут, а по лесу голодные шатаются. Ух и злые они тогда! Лучше им не попадайся.

С этим и спать легли. Я всё в постели ворочался. О шатунах думал. И всё надеялся:

а вдруг у нас на Кибрине медведь завёлся. Если он не шатун, то и лучше — не злой. С утра Яковлич отправился в обход вокруг острова. Сел в лодку и уехал. А я один остался.

Стою на брёвнышках-плавнях. Они под ногами перекатываются. Белёные такие, одинаковые. Весь цвет из них вода вымыла. Моторка Яковлича уже за косою скрылась. Тарахтит, покашливает так ровненько, будто и не удаляется, а на месте стоит. Чайки низко кружат. Каруселью ходят. Тоскливо кричат. Прямо стонут побольничному. Туча над головой зашевелилась, и

ть крылом скользнула по берегу. Ветерок подул, и море загудело, постепенно набирая звук.

Поднял я палку поровней и в лес зашагал. Тут меня сразу тишина охватила. Птицы все на берегу — у воды кормятся. Кочки торфяные мхом обросли, по колено в них утопаешь. Стволы поваленных деревьев — валежины — тоже мхом зазеленели. Под ногами они переламываются с долгим хрупаньем. Трухлявые. Земли и не видно. Только кое-где попадается красноватая пластина скалы, веснуцатая от сизых лепёшек лишайника.

Спокойно так, хорошо. Иду я, муравьиные тропки аккуратно перешагиваю. Палку впереди держу, чтобы паутина на лицо не налипала. Чернику и бруснику лениво срываю.

«Вот, — думаю, — пройду лесок насквозь. На ту сторону острова выйду. Стану на валун повыше. Яковличу рукой помашу».

И только я это подумал, как берёза, что слева от меня, закрипела. Маленькая такая, изогнутая, вершинкой до земли достаёт, ну точь-в-точь цирковая акробатка. Вот она и поскрипывает. Так осторожненько, опасливо.

Я остановился. Палку крепче сжал. И глаза скосил на берёзу. А там что-то живое застыло. И не видно ещё его, и не шевелится, а всё равно чувствую, что живое.

«Э, — думаю, — если бы оно было махонькое да слабенькое, уж давно бы ушмыгнуло. А оно затаилось».

Повернул я голову покруче влево, всматриваюсь в то место, а сам тем временем дорогу назад вспоминаю. Если бежать придётся, так чтоб уж наверняка к дому выскочить. Опять пошевелилось, и тут я увидел за берёзой большое мохнатое ухо!

Сразу я весь наш вчерашний разговор про медведей припомнил. И говорю так ласково, по-стариковски, чтобы почувствовал медведь — бывалый человек с ним говорит:

— Ну что ж, медведушко. Коли не боишься, так покажись. Очень я на тебя посмотреть мечтаю. Ну, мохнатый, ну. И палкой пошевелил.

Тут оно и выскочило! Я и шелохнуться не успел, только где-то в животе страх почувствовал.

Но тотчас же страх этот куда-то пропал. Потому что выскочил из-за берёзы не медведь, а одно только мохнатое ухо, что я сначала увидел. И вовсе это не ухо было, а заяц! Серый, с коричневым проблеском. Промелькнул он мимо меня, вихляя задом, и скрылся в можжевельнике.

Потом уж я сообразил, почему он сразу не убежал. Зайцы здесь, в заповеднике, не пуганые. А если страха у зверя нет, то он ужасно любопытный делается. Вот заяц меня и разглядывал. А я с перепугу и рассмотреть его как следует не сумел. Жалко.

СЛАСТЁНА

Яковлич очень любит конфеты. Каждое воскресенье он их привозит в хрустящих прозрачных пакетиках и аккуратно распахивает по стеклянным банкам. И когда солнце заглядывает в низкое окно кордона, леденцы в банках вспыхивают быстрыми огоньками, словно горсточки разноцветных камней. По вечерам мы пили чай с конфетами.

Дрова в печи потрескивали, догорая. Чайник хлопотал, словно петух, нашедший зёрнышко. Яковлич окинул банки на полочках взглядом полководца.

— Готов чаёк, — сказал он, что-то соображая.

Потом решительно взял одну из баночек и поставил её на стол. В свете керосиновой лампы матово блеснули трёхцветные флажки мармелада. Кристаллики сахара с шуршанием осыпались на клеёнку. Яковлич пристально посмотрел на мармелад. Жёлтые керосиновые огоньки пробежали в его глазах. Я снял с плиты чайник и плюхнул кипяток в кружки.

Какое-то время мы, потряхивая обожжёнными пальцами, сосредоточенно и молча пили чаёк из раскалившихся кружек.

— Эге, — сказал Яковлич, — а белёк, я полагаю, непрочь бы и мармеладу.

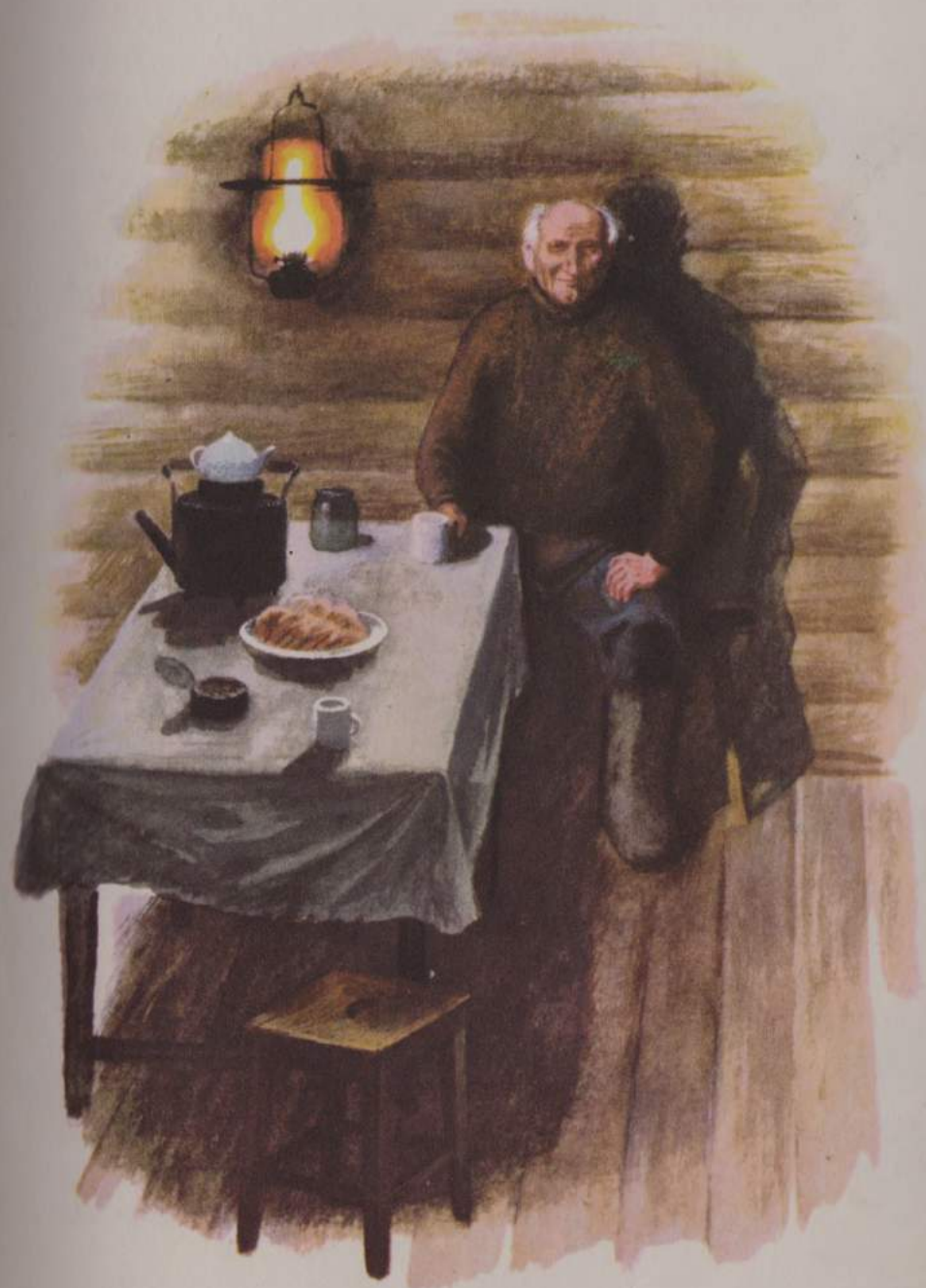
— Какой такой белёк? — насторожился я.

Мне тут же представился эдакий белый зайчонок, уши рогаточкой, пушистые и розовые на просвет. И очень мне любопытно стало, что с тем зайцем произошло. А Яковлич похрустел мятной карамелькой — и такая у него в баночке лежала. Похрустел, похрумкал карамелькой и говорит будто невпопад:

— Из воды он высунулся. Морда усатая и будто прицеливается круглыми своими глазищами. А вокруг лодки льдинки ещё плавают. По борту постукивают. Льдинки белые. Его среди них не сразу и заметишь. Тоже белый, одни глазищи торчат. Белёк ещё. Тюленёночек. Сосунок.

«Вот оно что, — вспомнил я. — Ведь это же маленьких тюленят бельками зовут».

— Втащил я его в лодку, — продолжал

Яковлич, — а он весь вот у ног и поместился. И глазищи всё постреливают. Но теперь уже не страшно, даже, наоборот, жалостно. Эх, думаю, свезу его в Управление. Медведи Миша и Маша у них есть. Ворон есть. И лисица есть. Видал, небось?

— Видал.

— Вот. Пусть и белька берут, выкармливают. Только на меня там руками замахали. Мы, говорят, с медведями маемся, а ты тюленя приволок. Не приспособлен наш домик под зверинец. Какая тут территория? Заборчик да калиточка.

И так, мол, ворон в дверях, в тамбуре притиснут. Да и не тюленями мы занимаемся, а гагой.

А ведь и верно, куда им его девать? Некуда!

Яковлич развёл руками и так укоризненно посмотрел на меня, будто это я тюленя в контору приволок. И хоть я тут был вовсе ни при чём, но засмутился и полез подкручивать фитилёк в керосиновой лампе. Огонёк тут же нырнул в прорезь, а тени с потолка прыгнули на стол. Яковлич в это время пытался отковырнуть пальцем прилипший к дну банки леденец. Тень затопила банку, и палец пропал. Яковлич поднёс руку к глазам, пошевелил пальцами, будто пересчитывал их.

— Ты фитиль не крути, — сказал он.

— Коптит слишком, — сказал я, — а белька куда же дели?

— А пусть коптит. Белька-то? Куда ж его девать? Домой снёс. В бочке он у меня жил. Покою не было.

— От него?

— Да от него какое беспокойство? Хороший зверь. Тихий. Ласковый. Вся улица сбежалась. Так в дверях и стояли. Не протолкаешься. Пока он у меня плескался в бочке, так и стояли. Одни насмотрятся. Уйдут. А их другие

сменяют. Беспокойство. Белька я сгущёнкой кормил. Ничего другого не ел. Мал ещё. Рыбку ему носил. Не берёт. А сгущёнки две банки в день лопал. Я уж сам её и не пробовал — только ему. Подкормил его немного и свёз в залив. А дольше держать нельзя. Поначалу сгущёнку, а там, глядишь, и леденцы сосать начнёт. Сладёна!

СВЕТ В НЕБЕ

Сегодня с утра я ждал «Солнышко». Я уезжал с островов. Хотел бы ещё пожить здесь, но что поделаешь! Работу свою я закончил и срочно должен был отвезти её в редакцию. Но вот уж день прошёл, а «Солнышка» всё не видно.

Я вышел из кордона. Прошагал по узенькому, в два бревна, причалу. Сел, свесив ноги над водой. Ветер был южный. Я уж знал, что это хорошо — не будет волна в борт бить. Море чуть приплёскивало у круглых, усеянных мидиями валунов. На фоне дальних материковых гор, приглаженных мерцающей полумглой, покачивались длинные лесистые острова. К ближнему острову бежала неровная цепочка огромных валунов и мелей, ещё не поглощённых приливом.

Я прислушивался к дальним звукам. Мотор у «Солнышка» громкий, а на море любой звук

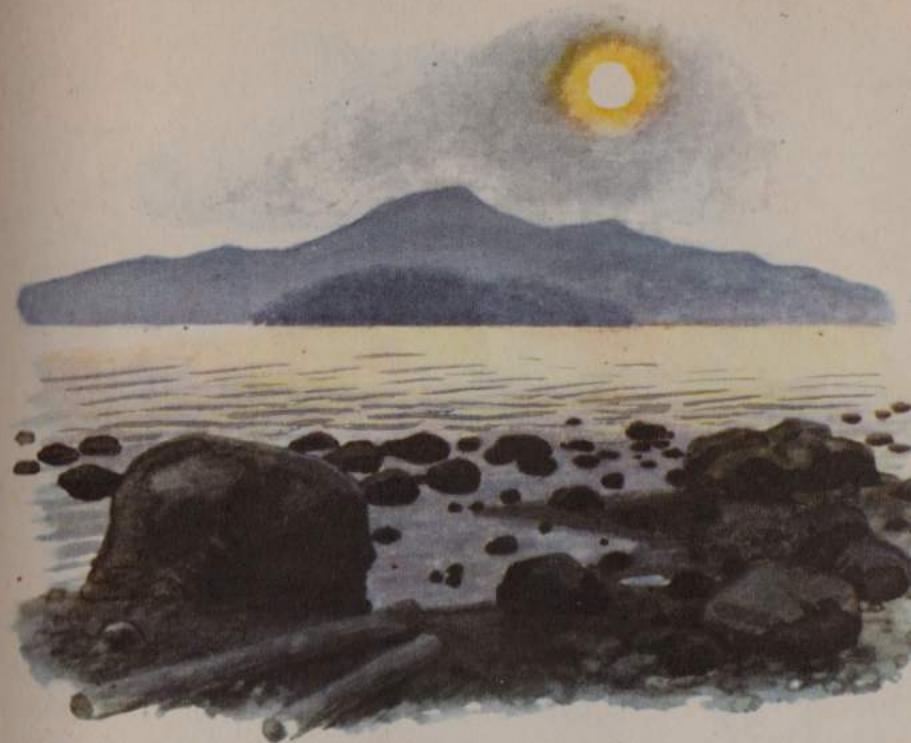

издалека слышен. И не так-то просто определить, какой звук дальний, а какой тут, рядом с тобой возник. Крикнула чайка, будто над самым ухом. Я вздрогнул даже. А поглядел, она вон где — у соседнего острова. Много их там собралось. То ли рыбину большую на берег выкинуло, то ли мидий собирают. Вслушивался я в тишину и за чайками следил.

Бледное солнце повисело-повисело ещё в небе, а потом в воздухе растворилось. Было солнце — и нет его. И тут же серые сумерки окрасились в разные цвета. Острова стали чёрными, море — лиловым, а небо, серое, пасмурное небо, вдруг стало тёмно-синим. И даже одна звёздочка пустила свой тонкий острый лучик в море.

Но что это? Небо там, вдалеке, высветлилось. По нему скользнуло неясное белое пятно. Оно вытянулось, наклонилось и пропало в море. И тут же появилось снова, только с другой стороны. Словно подвешен на невидимой мачте корабля круглый прожектор. Покачивается мачта, качается прожектор, и отражённый свет в небе мечется туда-сюда, туда-сюда. Неужели и впрямь идёт «Солнышко», и короткий луч его прожектора лёгким облачком света пробегает по тёмному небу?

А пятно в небе вдруг остановилось. На нём ясно прорисовались прямые светящиеся рёбра. Они сгущались, твердели и неожиданно превратились в словно бы гранёные хрустальные палочки. Свет в этих палочках заиграл холодными зеленоватыми цветами.

И мне даже показалось, что слышу я тонкий переливчатый звон ударяющихся одна о другую хрупких стеклянных палочек. Они то рассыпались веером по небу, а то собирались в пучок, оставляя за собой мерцающую прозрачную пелену. Пелена быстро таяла, опадая зыбкими складками. Я смотрел и удивлялся. Маленькому прожектору «Солнышка» наверняка не по силам устроить в небе такую пляску. Не заплывла ли по ошибке из Белого моря в наш залив целая флотилия кораблей? Не их ли мощные прожекторы прошивают ночное небо?

И вдруг я понял: никаких кораблей нет. Это северное сияние! Я побежал к дому, застревая ногами меж скользких кругляшей, выброшенных морем.

Яковлич у растопленной печи насаживал на струганую палочку ломтики подосиновиков. Много этих палочек стояло рядом вдоль раскалившейся плиты. Грибы на них привяли и сморщились.

— Случилось чего? — спросил Яковлич спокойно.

— Северное сияние случилось! — сказал я.

— Рановато, — сказал Яковлич, — а ну пойдём глянем.

Мы вышли, а небо пустое. Твёрдое и как бы плоское. Ни светлых пятен, ни движения. Только крохотная звёздочка упрямо сверлила своим лучом-буравчиком прозрачные кисейные облака. Я думал, Яковлич не поверит. А может, и вправду никакого северного сияния не было? Так только, показалось мне. Яковлич брови на глаза надвинул, словно козырьком их поставил.

— Да-а, — говорит, — первое сияние. Теперь чуть ли не каждую ночь полахать будет. К зиме разгорится. Самое сияние зимой, над снегами. А первое сияние осень отметило. Теперь уж и до отлёта птиц недолго.

И вспомнил я, что август кончается, а в Заполярье это месяц осенний.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Карта</i>	5
<i>Перевернутый бинокль</i>	7
<i>«Солнышко»</i>	10
<i>Корова Люська</i>	15
<i>Сани</i>	19
<i>Плывущие острова</i>	29
<i>Медведь-шатун</i>	36
<i>Сластёна</i>	41
<i>Свет в небе</i>	47

Для младшего школьного возраста

Леонид Львович Яхнин

ПЛЫВУЩИЕ ОСТРОВА

Художник Николай Устинов

Редактор Э. Степченко

Художественный редактор Г. Крюкова

Технический редактор О. Кистерская

Корректор С. Бланштейн

Сдано в производство 13/1-75 г. Подписано в печать 15/VII-75 г. Бумага офсетная № 1. Формат 70×90/16. Печ. л. 3,25. Усл. печ. л. 3,8. Уч.-изд. л. 3,02. Тираж 200 000. Цена 23 коп. Изд. № 2721. Заказ № 459. Издательство «Малыш» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, К-55, Бутырский вал, 68. Калининский полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглаволиграфпрома Госкомиздата СМ РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Я 70801-104 95-75
М102(03)-75